

КТО ПОБЕДИЛ В «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ»: РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

© 2019 С. Н. Белевцева

*доцент кафедры всеобщей истории;
канд. ист. наук, доцент
e-mail: SNBelevtseva@yandex.ru*

Курский государственный университет

На основании работ ведущих российских учёных рассмотрены вопросы окончания «холодной войны», в том числе наличия победителя и побеждённого. Также рассмотрены различные оценки понятия «холодная война». Изучены оценки российских учёных процессов распада СССР и бархатных революций в Восточной Европе. Вскрыто отношение к завершению «холодной войны» в США, России и в других государствах мира. Предпринята оценка значимости факта завершения «холодной войны».

Ключевые слова: понятие «холодная война»; национальная безопасность; внешняя политика США; однополярный мир; распад СССР; бархатные революции в Восточной Европе.

Начиная исследование по заявленной теме, следует отметить, что в настоящее время наиболее актуальны не споры о том, кто победил в «холодной войне», а само понятие холодной войны и вопрос о том, закончилась ли она. Автор умышленно берёт термин «холодная война» в кавычки как условное наименование конкретного исторического периода. Кавычки отсутствуют в иных смысловых случаях или в прямой речи, оставляя за каждым автором своё право понимания данного термина. Сама же автор в плане отношения к термину «холодной войны», разделяет мнение советского и российского учёного-американиста, доктора политических наук, профессора Эдуарда Яковлевича Баталова, который отмечал: «Понятие “холодная война” порой толкуют расширительно, а именно как любую конфронтацию двух или более государств без использования военной силы. В результате такого подхода утрачивается представление об уникальной качественной определённости того длившегося несколько десятилетий глобального противостояния, которым была отмечена всемирная история второй половины XX в.» [Баталов 2014: 43–44].

Переход к однополярному миру

Окончание «холодной войны» неразрывно связано с концом биполярной системы международных отношений. При этом, как считает доктор политических и доктор социологических наук, профессор Александр Гельевич Дугин, в теоретическом плане «конец двухполярной системы мог быть либо изменением двухполярности, либо её усложнением» [Дугин 2015: 16]. И такой вариант международного развития действительно можно было бы предположить в случае продолжения трансформации Советского Союза, а не его распада. Тогда, возможно, объявленное Дж. Бушем-старшим и М. Горбачевым окончание «холодной войны» послужило бы делу *изменения* биполярной системы. Но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения. А потому, как отмечает профессор Дугин, «фактически сложился “однополярный момент”», концептуализированный Ф. Фукуямой. С точки зрения классической политической науки произошло то, чего произойти не могло. И в этот момент для реалистичного объяснения происходящего по ту сторону империалистической

либеральной пропаганды и глобалистских утопий начался геополитический бум, когда аналитики из самых разных областей обратились к геополитическим теориям и методикам для объяснения происходящих мировых перемен» [Там же].

Однополюсный мир, возникший в системе международных отношений в начале 1990-х гг., не имел переходного периода, не был результатом постепенного эволюционирования, он сложился сразу как объективная реальность после распада СССР. Хотя в 1991 г. Советский Союз раздирали политические и национальные противоречия, эксперименты с переводом экономики на рыночные рельсы, недовольства нищавшего населения, никто вплоть до декабрьских беловежских соглашений не мог заявить о наступлении однополярной (однополюсной) эры. Но через несколько дней после того как весь мир узнал, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование» [Соглашение о создании СНГ 1991], весь этот мир не просто встречал очередной 1992 год, но констатировал замену биполярной системы международных отношений новой однополярной во главе с непререкаемым лидером – Соединенными Штатами Америки.

О причинах распада СССР

О факте распада СССР в отечественной историографии существуют различные мнения. Но следует отметить, что многократные аналитические споры на тему: сам ли распался СССР или ему помогли? – похоже, пришли к объективному консенсусу. Многие исследователи указывают на то, что внутренняя ситуация в СССР просто созрела до столь решительных действий советских радикалов и обеспечила им молчаливое согласие народа. Но созрела эта внутренняя ситуация при активной помощи извне.

Так, в 2004 г. член-корреспондент РАН, бывший в ту пору директором института США и Канады, Сергей Михайлович Рогов, отвечая на вопросы главного редактора журнала «Экономические стратегии», отметил «что распад СССР, который Владимир Путин справедливо назвал трагедией, это на 80% результат действия внутренних факторов. По крайней мере, для администрации Буша-старшего он был неожиданностью... Президент США подверг критике украинский национализм, в тот момент набиравший силу. Он очень четко сформулировал свою позицию: СССР должен существовать, Запад не заинтересован в его расколе. В администрацию Буша-старшего входили ветераны «холодной войны», высочайшие профессионалы. Они мастерски вели окопную войну, то тут, то там добиваясь частичных тактических успехов. Но им и в голову не приходило, что они доживут до того дня, когда Советский Союз перестанет существовать» [Рогов 2004: 15].

О причинах распада СССР не раз высказывал своё мнение и доктор исторических наук, профессор Владимир Викторович Согрин. Он, в частности, указывает: «Историческое поражение советского социализма объясняется в первую очередь его внутренними свойствами и слабостями. Но нельзя сбрасывать со счетов и роли внешнего фактора – западной цивилизации во главе с США» [Согрин 2015: 412].

Такого же мнения придерживался и член-корреспондент РАН Владимир Константинович Волков. Он констатировал: «Советский Союз распался по внутрисистемным причинам, хотя и при самом внимательном и заинтересованном отношении к этим процессам и их поддержке извне» [Волков 2002: 18].

Советские и российские исследователи в большинстве своём сходятся во мнении, что распад СССР стал следствием обострения внутренних проблем (не без помощи извне). Внутренние проблемы экономического свойства, как не раз отмечалось, были связаны с исчерпанием своих возможностей командно-плановой социалистической системой. Горбачевское руководство видело это, однако перестроить

экономику не смогло. Однако в плане общественно-политических преобразований М.С. Горбачев стремился не опоздать и вводил необходимые, как ему казалось, реформы. Как отмечает В.В. Согрин, «Горбачев пытался погасить общественный кризис и сохранить политическое лидерство с помощью углубления своего главного и любимого нововведения – демократии» [Согрин 2014: 20]. Одним из первых демократических шагов стало провозглашение в 1987 г. альтернативных выборов, которое было рассмотрено на XIX Всесоюзной партконференции и дополнено одобрением разделения властей. Однако, как отмечает В.В. Согрин, «ни Горбачев, ни его единомышленники, предполагавшие использовать демократические механизмы против консервативных оппонентов, не предполагали, что избиратели могут повернуть их против них самих» [Там же]. Выборы различных уровней, прошедшие в 1989–1991 гг., «обнаружили неуклонное падение популярности сторонников Горбачева и нарастание влияния его оппонентов. Но отнюдь не консерваторов, которых хотел отстранить от кормила власти Горбачев, а политиков, назвавших себя радикалами» [Там же: 20–21].

С середины 1989 г., как отмечал В.В. Согрин, радикалы, осознав бесперспективность социалистической модернизации, оценив, что народные массы стали «всё более восприимчивы к несоциалистической альтернативе, они [радикалы] взяли на вооружение либерально-демократическую идеологию и ценности западной цивилизации» [Там же: 21]. И довели-таки свою революцию до логического конца – распада СССР. Именно ненасильственной революцией считает профессор Согрин события конца 1980-х – начал 1990-х гг. Такова, по его мнению, «историческая канва и логика крушения социализма и перехода российского общества к иной общественной модели. На рубеже 1980–1990-х гг. в России произошла антикоммунистическая революция, осуществлённая при поддержке общества и ненасильственным путём, в основном при помощи избирательных бюллетеней» [Там же].

Конец советского влияния в Восточной Европе

Видный российский учёный-экономист, академик РАН Александр Дмитриевич Некипелов, освещая вопросы демократических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), высказал своё мнение о распаде социалистической системы. Он, в частности отметил: «Исторический крах “мировой социалистической системы” не случаен. Его самые глубинные причины коренятся в том, что в рамках иерархически организованного общества оказалось невозможным сформировать ни политический, ни экономический механизмы, обеспечивающие органичное интегрирование многообразных интересов отдельных людей в интересы групп и общества в целом. Благородное намерение организовать жизнь людей таким образом, чтобы “свободное развитие каждого было условием свободного развития всех”, очень быстро трансформировалось в максимум о “примате общественных интересов”, притом что функция выявления содержания последних стала, по сути, принадлежать группе избранных. Именно отчуждение членов общества от навязывавшихся им “общественных интересов” и привело, в конечном счёте, к глубочайшему экономическому, социальному и нравственному кризису социалистического общественного устройства...» [Центрально-Восточная Европа 2003: 8]. Несомненно, сказанное относится не только к странам ЦВЕ, составлявшим европейскую зону социалистического лагеря, но и к лидеру социалистического мира – Советскому Союзу.

СССР вместе с крахом социалистической идеи потерял и моральное право лидера в Восточной Европе. Точнее, он сам, устами М.С. Горбачева, отказался от своего лидерского статуса. В Восточной Европе кто-то воспринял это как предательство, но большинство сочли концом обмана и иллюзий, в которых они пребывали.

В выигрыше от нового курса восточноевропейских государств оказались не только они сами. Как указывает доктор исторических наук, профессор Игорь Иванович Орлик, «прямыми или косвенными средствами добившись своих основных стратегических целей – вытеснения Советского Союза из Восточной Европы, развала “социалистического содружества”, ликвидации коммунистических режимов, – Соединенные Штаты проявили стремление занять здесь место Советского Союза» [Орлик 2017: 117].

Доктор исторических наук Наталья Ивановна Егорова также связывает завершение «холодной войны» с поражением социалистической идеологии и практики. Выступая на «круглом столе» Российской ассоциации историков-американистов в июне 2015 г., она отметила, что «либеральный капитализм, оказался более притягательным для стран бывшего Восточного блока и “третьего мира”, чем социалистическая административно-хозяйственная система, что среди прочих причин повлияло на исход “холодной войны” и развитие европейской интеграции в постбиполярном мире» [Егорова 2015: 49]. При этом доктор исторических наук, профессор Владимир Викторович Романов полагает, что «процессы, протекавшие на территории Центральной и Восточной Европы и на постсоветском пространстве, следует трактовать скорее не как величайшую геополитическую катастрофу XX в., а как обозначившуюся перспективу построения некоего нового многополярного миропорядка, в рамках которого могли бы сформироваться условия для взаимовыгодного сотрудничества прежних соперников по холодной войне» [Романов 2014: 63].

О победе и победителях в «холодной войне»

Следует отметить, что ментальность советских граждан, принимавших, в большинстве своём, *решение сверху* как безусловно правильное, и их в целом неглубокие познания в области либерально-демократического движения, стали достаточными основаниями для того, чтобы *согласиться* с распадом СССР. Чем дальше уходит в историю декабрь 1991 г., тем настоятельнее следует уточнять, что граждане СССР именно *согласились* с решением тех, кто объявил о завершении существования СССР. Самих граждан о правильности и правомочности этого исторического шага никто не спрашивал.

Автор согласна с мнением В.В. Согрина относительно победителя в «холодной войне», которое профессор выразил следующим образом: «... от завершения холодной войны выиграла значительная часть человечества, но этот выигрыш оказался возможным в результате уступок СССР» [Согрин 2015: 428].

Провозглашённая в США победа в «холодной войне», породила различные мнения и целые научные теории относительно будущего человечества: от «конца истории» Ф. Фукуямы до «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В отечественной историографии также существуют различные взгляды относительно конца биполярной системы международных отношений и признания США в качестве победителя в «холодной войне». Так, В.В. Согрин, занимая позицию, близкую к хантингтоновской, считает, что, несмотря на провозглашение Соединённых Штатов единственной сверхдержавой, «в мировом пространстве обозначился цивилизационно-культурный плюрализм. Но человечеству в качестве главного и единственного итога завершения холодной войны предлагался триумф либерального капитализма во главе с США» [Там же: 430].

В самих Соединённых Штатах из факта идентификации страны в качестве единственной сверхдержавы практически весь американский истеблишмент сделал два важных вывода. Об этих выводах так говорит В.В. Согрин: «... Прежний миропорядок,

в котором соперничали и делили мир США и СССР, исчез, поэтому необходимо формировать основы нового миропорядка. Следующий постулат – США по праву победителя и потому, что они стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в выстраивании нового миропорядка» [Там же: 476]. Эти постулаты подвергались критике в самих Соединённых Штатах со стороны политологов как левого, так и правого толка. Левые считали победу США в «холодной войне» пирровой, а претензию на мировое господство – антидемократичной и аморальной. Правые считали концепцию «мировой демократической революции» утопичной и вредной для формирования внешней политики. Анализируя взгляды левых и правых политологов США, профессор Согрин приходит к выводу: «При всём том, что критические тенденции в американской внешнеполитической мысли представлены солидными именами, их удельный вес в идеологии внешней политики США оказался мал, а во внешнеполитической практике отсутствовал вообще» [Там же: 478].

Окончание «холодной войны» не все исследователи как на Западе, так и в России связывают именно с распадом СССР. Кто-то считает, что это произошло в результате договорённостей Горбачева и Рейгана, кто-то видит рубежным саммит на Мальте, кто-то – падение Берлинской стены. Но во всех этих случаях «холодная война» представляется оконченной. А вот крушение СССР – факт, заставляющий говорить о победителях и побеждённых.

Аналогичного мнения относительно неоднозначности сроков окончания «холодной войны» придерживается кандидат исторических наук Андрей Александрович Исэров. На «круглом столе» Российской ассоциации историков-американистов в июне 2015 г. он отметил: «Сегодня уже вспоминали Джека Мэтлока, поэтому, если мы поставим точку в 1989 г., то тогда “холодная война” закончилась “победой всего человечества” или, по крайней мере, некой “ничьей”. Лично для Мэтлока, который не хочет выглядеть ненавистником России, но хочет быть примирителем, это представляется важным» [Исэров 2016: 62].

Относительно победителей и побеждённых на этом же «круглом столе» своё мнение выразил кандидат исторических наук, доцент Константин Валерьевич Миньяр-Белоручев. В своём выступлении он, в частности, сказал: «К сожалению, не могу согласиться с теми коллегами, кто настаивает на том, что “холодную войну” Советский Союз не проиграл и что противостояние закончилось вничью. Советский Союз потерпел поражение в первую очередь в сфере экономики, не будучи в состоянии вынести бремя “холодной войны”, бремя притязаний на глобальное лидерство в контексте системного противостояния с США. Однако этот тезис лишний раз подтверждает системный характер противостояния “холодной войны”, когда не было достаточно быть лучше (или, по крайней мере, не хуже) в отдельных компонентах. “Проседание” в одном из компонентов – в рассматриваемом случае в экономике – вело к невозможности нести бремя общесистемного соперничества» [Миньяр-Белоручев 2016: 65–66].

Торжество либерализма или цивилизационное противостояние

Профессор Баталов факт победы США в «холодной войне» оценивает весьма скептически и даёт реальную оценку тому, к каким последствиям это привело Соединённые Штаты. В своей книге «Мировое развитие и мировой порядок» он, в частности, пишет: «Так называемая победа в холодной войне привела страну к ложному и очень опасному выводу, что ей как “победительнице” и не нужно реформироваться: пусть это делают Россия, Китай, Польша и другие, а она, Америка, своей победой доказала собственное совершенство» [Баталов 2005: 24].

В главе первой указанной книги профессор Баталов рассматривает оценки американских учёных относительно победы в «холодной войне». Говоря о концепции «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы (1989), Баталов характеризует и сам исторический период, в который эта концепция появилась. Он указывает: «Концепция Фукуямы появилась на свет на волне (и сама оказалась одним из ярких проявлений) политической эйфории, царившей на Западе, и особенно в Соединенных Штатах Америки, в конце 80-х – начале 90-х годов. То был редкий миг пьянящего чувства нечаянной великой победы: грозный соперник в лице мирового коммунизма, которого либеральные демократы поносили последними словами, но перед которым испытывали страх, – этот соперник оказался вдруг повержен» [Там же: 41].

Признавая ошибочность концепции «конца истории», Баталов находит в ней эвристическое начало. «Но заслуга Фукуямы, – считает профессор Баталов, – не только в том, что он выступил в роли невольного инициатора историософской дискуссии. Американский политолог, поставив вопрос о настоящем и будущем либерализма, нащупал реальные изменения в его судьбе, хотя и дал им неверную, на наш взгляд, интерпретацию. Победа, одержанная либеральной идеей к концу XX века во многих – прежде всего наиболее развитых – странах мира, знаменует *не конец истории, а конец самого либерализма* как идеологии индивидуальной свободы, предпринимательского индивидуализма, определяющей соответствующие стратегии деятельности – экономической, политической, социальной» [Там же: 38]. Конец либерализма Баталов связывает с тем, что «либеральная идеология и вытекающие из неё стратегии исчерпали свой креативный потенциал» [Там же]. Тем не менее профессор констатирует, что пока ещё либерализм остаётся действенной и привлекательной силой в капиталистических странах, и в первую очередь в США. Баталов считает, что некоторые фундаментальные принципы либерализма, такие как философия индивидуальной свободы, могут быть востребованы в будущих идейных системах, которые породит XXI век, но собственный потенциал либерализма исчерпан.

Рассматривая концепцию «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона (1993), Баталов отмечает, что в борьбе между указанными им восемью цивилизациями «будет развиваться драма всемирной истории начала XXI века» [Там же: 47]. Эта драма межцивилизационных конфликтов может привести, по определению Хантингтона, к «глобальной войне». Поддерживая хантингтоновскую цивилизационную концепцию и призывы американского аналитика к гибкости и мудрости, профессор Баталов считает: «Америка должна понять, что остальные семь цивилизаций никуда не исчезнут, и с ними придётся считаться. Больше того, они набирают силу, тогда как Запад, миновавший апогей, возможно (если не отыщет путей к обновлению), начнёт постепенно терять позиции, хотя процесс этот может растянуться на длительный срок» [Там же].

Э.Я. Баталов, видя в целом большой научный потенциал в работе Хантингтона, тем не менее высказывает собственное видение проблемы столкновения цивилизаций. Он, в частности, считает, что «основной *причиной* конфликтов XXI века будут отнюдь не культурно-цивилизационные различия. Последние, несомненно, играют роль – порой более, порой менее существенную – в мировой политике. Однако очень часто за культурными противоречиями скрываются противоречия экономические, политические и социальные» [Там же: 50]. В качестве подтверждения этой мысли Баталов приводит ряд реально происходящих незатухающих конфликтов между странами, принадлежащими к одной цивилизационной группе: Индия–Пакистан; Китай–Тайвань; Северная и Южная Кореи.

Резюмируя вопрос цивилизационных столкновений, профессор Баталов приходит к выводу, «что резонно предположить: наступившая эпоха будет, как и все ей

предшествовавшие, эпохой *столкновения жизненных интересов и потребностей* планетарных социальных групп, которые (группы) будут формироваться не только по линии культурно-цивилизационных, но и по линии традиционных экономических, социальных (статусных) и политических разломов» [Там же: 51].

Э.Я. Баталов, сравнивая работы Фукуямы и Хантингтона, что до него делали многие, указывает не только на различия в их концепциях, но находит и общую суть, возвышающую Америку. Суть этого обобщения в следующем: «При всей их специфике, отличиях друг от друга и претензиях на историософскую глубину и объективность концепции Фукуямы и Хантингтона имеют прямое отношение к доминирующим в после-холодно-военной Америке представлениям о характере и направлении современного мирового развития, о месте этой страны в новом мировом порядке и её роли в наступившем столетии. Суть этих представлений может быть выражена в двуедином тезисе: XX век оказался-таки “американским веком”, и новый, XXI век тоже будет или, по крайней мере, может стать таковым» [Там же: 56].

Международные отношения в постбиполярный период

Окончание «холодной войны», отказ СССР от руководства социалистическим лагерем, особенно своими союзниками в Восточной Европе, и последующий распад СССР во многом изменили систему международных отношений. А последовавший за этим период президентства Клинтона (1993–2001), по мнению профессора Согрина, стал «важным этапом формирования Вашингтоном стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, единоличного лидера и нового миропорядка, сменившего Ялтинско-Потсдамский» [Согрин 2015: 558].

При этом с позиции победителя в «холодной войне» Соединённые Штаты имели возможность и считали необходимым диктовать свою волю мировому сообществу. Как отмечают доктор исторических наук Владимир Игоревич Батюк и старший научный сотрудник Центра региональной военной политики ИСК РАН Наталья Алексеевна Дьякова, «... после 1991 г. американские правящие круги делали ставку на сохранение и расширение тех военно-политических структур в Евразии, в которых США играют руководящую роль. Те же страны, которые по разным причинам отвергают американскую гегемонию, должны подвергнуться политической изоляции и военно-политическому нажиму со стороны Америки и её новых и старых союзников» [Батюк, Дьякова 2009: 62].

Вместе с тем, формируя в конце XX в. новый мировой порядок, Соединённые Штаты не были удовлетворены просто ролью гегемона. Американскую силу, прежде всего военную, требовалось куда-то употреблять. Не говоря даже о том, что, наращивая военную силу, Америка давала возможность развиваться своей промышленности, следует уточнить, что Соединённым Штатам после окончания «холодной войны» явно не доставало образа врага. Как отмечает Э.Я. Баталов, «для Соединённых Штатов это имело особое значение. Американцы – нация, ориентированная на *постоянную борьбу и безусловную победу*, какой бы сферы общественной жизни это ни касалось. Им непременно нужен “фронтир”, на преодоление которого были бы направлены их усилия. Им нужен противник, соперник, а в крайних случаях, когда нация испытывает острую потребность во внутренней консолидации, – враг, пусть потенциальный или даже виртуальный, борьба с которым объединяла бы их, наделяла их существование смыслом, придавала силы, звала вперед» [Баталов 2005: 51–52].

Российские исследователи доктор политических наук В.И. Кривохижа и кандидат политических наук Д.Г. Евстафьев в своём исследовании середины 1990-х гг. констатируют близость позиций представителей ведущих партий США, консервативной

и демократической, по вопросу геополитики США, как на закате советской эры, так и в 1995 г., когда американский истеблишмент отбросил «скоропелые концепции глобального российско-американского партнёрства» [Кривохижа, Евстафьев 1997: 21]. По мнению российских политологов, «это, во-первых, означает, что принципиальных изменений в восприятии мира со стороны значительной части американской элиты не произошло. Во-вторых... можно интерпретировать как обоснование возможности возврата к принципам традиционной силовой политики, в отличие от линии администрации Клинтона, которая в свои первые годы была склонна использовать методы мягкой силы (soft power), и силу своих союзников (proxy warfare) для достижения основных геополитических целей» [Там же: 22].

Случилась ли победа США, или победило всё человечество в результате окончания «холодной войны», как бы ни характеризовать финал этого противостояния, но на рубеже 1980–1990-х гг. мир вздохнул с облегчением. Чего не скажешь о дне сегодняшнем. В этом смысле автор согласна с мнением кандидата исторических наук Александра Сергеевича Стыкалина, которое он высказал в своём выступлении на «круглом столе» на тему «Процесс окончания “холодной войны”: дискуссии, факты, уроки», организованном в октябре 2016 г. ИВИ РАН. А.С. Стыкалин, в частности, отметил, что сегодняшняя ситуация в международных отношениях есть «свидетельство полной растраты за прошедшую четверть века того капитала взаимного доверия между СССР (а также его правопреемницей Россией) и Западом, который удалось накопить (правда, в большей мере за счёт компромиссов советской стороны) в конце 1980-х – начале 1990-х годов» [Стыкалин 2017: 55].

Соглашаясь с мнением ведущих российских историков о том, что от окончания «холодной войны» выиграл весь мир, следует признать, что этот тезис едва ли слышат (да и хотят ли слышать?) в западном сообществе. Кроме того, по убеждению ряда российских историков, СССР всё-таки «холодную войну» проиграл.

Исторический факт невозможно изменить, однако можно интерпретировать по заказу тех, кто хочет выглядеть в истории как-то по-другому. Мнение историка объективно изменчиво. Представляется, что и оценки «холодной войны» и наличия победителя в ней не последние. Осмысление данных проблем под воздействием объективной реальности продолжается.

Библиографический список

Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 376 с.

Баталов Э.Я. Холодная война окончена. «Крестовый поход» продолжается // Американский ежегодник. 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 41–57.

Батюк В.И., Дьякова Н.А. Военная политика США на постсоветском пространстве // Россия и новые государства Евразии. 2009. № 4. С. 62–80.

Волков В.К. «Новый мировой порядок» и балканский кризис 90х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 11–50.

Дугин А.Г. Теория многополярного мира. Плюриверсум. М.: Академический проект, 2015. 358 с.

Егорова Н.И. Выступление. «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов // Американский ежегодник. 2015. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 46–49.

Исэров А.А. Выступление. «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов // Американский ежегодник. 2015. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 61–62.

Кривохижа В.И., Евстафьев Д.Г. Современная геополитика США: концепции и реальность // США в новом мире: пределы могущества. М.: Изд-во РИСИ, 1997. С. 13–62.

Миньяр-Белоручев К.В. Выступление. «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов // Американский ежегодник. 2015. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 63–66.

Орлик И.И. Восточная Европа в стратегии Запада: к истокам трансформаций и евроинтеграции // Новая и новейшая история. 2017. № 3. С. 102–117.

Рогов С.М. Стратегическое одиночество России // Экономические стратегии, 2004. Т. 6. № 4(30). С. 12–17.

Романов В.В. Выступление. «Круглый стол» Российской ассоциации историков-американистов // Американский ежегодник. 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 63–64.

Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026. Оп. 4. Д. 1303. Л. 1-5. Сайт Росархива: URL: <http://www.rusarchives.ru/projects/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml> (дата обращения: 13.12.2018).

Согрин В.В. Завершение холодной войны: победа человечества или США? // Американский ежегодник. 2014. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 11–40.

Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. 592 с.

Стыкалин А.С. Выступление. «Круглый стол»: Холодная война: ретроспектива и перспектива // Новая и новейшая история. 2017. № 4. С. 54–55.

Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Интервью главного редактора издания, вице-президента РАН, директора ИМЭПИ РАН академика А.Д. Некипелова (при участии ответственных редакторов: I т. – д.и.н. И.И.Орлика, II т. – д.и.н. Б.А. Шмелева, III т. – д.э.н. С.П. Глинкиной) главному редактору журнала «Новая и новейшая история» академику Г.Н. Севастьянову // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 3–17.